

УДК 81'37: 811.511.13

doi 10.17072/2073-6681-2023-3-54-66

Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и поговорках

Работа выполнена в рамках реализации гранта 20-412-590005 Р_а_Пермский край
«Лексическое пространство коми-пермяцкого языка»

Алевтина Степановна Лобанова

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. lobanova@pspu.ru

SPIN-код: 9164-8696

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1488-4727>**Ирина Ивановна Русинова**

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

SPIN-код: 1107-4967

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>*Статья поступила в редакцию 11.04.2023**Одобрена после рецензирования 09.08.2023**Принята к публикации 10.08.2023***Информация для цитирования**

Лобанова А. С., Русинова И. И. Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и поговорках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 54–66. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-54-66

Аннотация. В статье представлена попытка определения культурной семантики названий растений, включенных в состав коми-пермяцких фразеологизмов и поговорок. Источниками исследования стали полевые материалы архива диалектологических экспедиций и учебных практик студентов коми-пермяцкого отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, сведения из полевого архива А. С. Лобановой, коми-пермяцкие художественные тексты и данные «Коми-пермяцкого фразеологического словаря».

Признаками, формирующими образ *пу* «дерева» в коми-пермяцкой традиционной культуре, являются те, которые обозначают различные аномалии: дерево с двумя вершинами – *вожа пу*; с отростком, идущим от корня – *пияна пу*; необычного цвета – *чочком кӧз* «белая ель»; дерево, в которое ударила молния – *чарӧтӧм пу*.

В представленном материале нашли отражение реальные, прежде всего внешние признаки деревьев и трав: высота ели, крона округлой формы сосны, белая кора березы, упругость и свежесть молодой травы, вялость и безжизненность старой. Кроме того, отмеченными являются и некоторые свойства деревьев и трав – способность коры отделяться от ствола дерева и твердость древесины, жгучесть крапивы, способность плодов репья прилипать к одежде человека и неприятный запах черемухи. Из «культурных» свойств растений в проанализированных единицах можно указать признак «женское» для вербы, которая в традиционной культуре русских и коми-пермяков выступает символом девичества.

Проанализированные материалы показывают, что главным направлением развития образной семантики дендронимов и фитонимов в коми-пермяцких паремиях и фразеологизмах является вектор *дерево* → *человек*, *растение* → *человек*, то есть названия деревьев, кустарников, дикорастущих и культурных травянистых растений обозначают человека, имеющего различные характеристики (как социальные, так и физические). Реже фитонимы в составе фразеологизмов и паремий отражают различные действия и состояния человека.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; фразеологизм; паремия; фитоним; дендроним; метафорический перенос; культурная семантика.

Введение

Номинативные единицы коми-пермяцкого языка, обладающие культурной семантикой, в настоящее время всё чаще становятся объектом всестороннего изучения. Ряд наших статей, тематика которых связана с особенностями функционирования в речи коми-пермяков отдельных этнонимов [Лобанова 2014: 85–91], наименований одежды и обуви [Лобанова 2015: 218–223], орнитонимов [Лобанова 2016: 22–30], фитонимов [Лобанова 2017: 240–248; Лобанова 2018: 124–127] и др., демонстрирует наличие интересных этнолингвистических особенностей, которые позволяют выявить взаимосвязь языка и культуры, показать стереотипы национального сознания, особенности менталитета. На наш взгляд, это довольно интересный вид анализа, поскольку в нем отражаются мировидение этноса, его ценностные характеристики, предпочтения или различного рода запреты и предписания.

В результате работы диалектологических экспедиций, которые активно проводятся в Коми-Пермяцком округе в течение последних нескольких лет, был пополнен новыми единицами фитонимический корпус коми-пермяцкого языка. Опыт такой работы показывает, что фиксация сведений о названиях объектов растительного мира коми-пермяков должна быть продолжена.

Следует отметить, что названия коми-пермяцких растений всё чаще становятся предметом научных изысканий.

Одной из важных работ являются «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений» (2021). Большой авторский коллектив, используя различные источники – памятник письменности XIX в. (переводной словарь Н. Рогова), современные коми-пермяцкие словари, художественные тексты, научные статьи, полевые материалы, – составил актуальный и очень востребованный словарь. Фитонимический материал в словаре представлен с сохранением диалектной формы лексем, а в Предисловии к работе освещены вопросы сбора и особенности изучения данной тематической группы слов коми-пермяцкого языка [Материалы для словаря 2021].

Существует несколько исследований, посвященных фитонимической лексике. Предыдущие работы авторов статьи, выполненные на матери-

але названий объектов растительного мира, демонстрировали коннотативные значения отдельных коми-пермяцких фитонимов [Лобанова 2017: 240–248; Лобанова 2018: 124–127], раскрывали принципы их лексикографического представления [Русинова, Федосеева 2019: 134–142], описывали синонимические отношения в данной группе лексики [Федосеева, Русинова 2021: 226–232], демонстрировали некоторые мотивационные модели фитонимических единиц [Русинова, Лобанова, Федосеева 2022: 578–591]. Работы других ученых посвящены этимологии некоторых коми-пермяцких фитонимов [Гайдмашко 2017: 298–331; 2019: 19–26]; названиям фитонимов в финно-пермских языках [Бродский 2015: 73–92; 2016: 56; 2021: 224–232; 2022: 407–417 и др.].

В данной работе объектом внимания стала образная фитонимия коми-пермяцкого языка. Источниками настоящего исследования послужили полевые материалы, собранные А. С. Лобановой в 2022 г. (АПМЛАС), данные архива диалектологических экспедиций и учебных практик студентов коми-пермяцкого отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (АПМ КПО). Важным источником являются также коми-пермяцкие художественные тексты, основанные на материале «живой» коми-пермяцкой речи, и данные «Коми-пермяцкого фразеологического словаря» (далее – КПФС).

Цель настоящего исследования – выявление культурной семантики коми-пермяцких фитонимов, входящих в состав фразеологизмов и паремий. «В связи с относительной молодостью паремиологии термин паремия используется в науке неоднозначно – как родовой по отношению к ряду разновидностей устойчивых высказываний. Под паремией понимают либо только пословицы и поговорки (В. П. Жуков, Л. Б. Савенкова, З. К. Тарланов), либо, помимо них, также присловья – выражения, которые <...> используются, прежде всего, для украшения речи, для создания комического эффекта (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. И. Селиверстова). Расширительно понимая паремику, ученые относят к ней также приметы, загадки, афоризмы (Г. Л. Пермяков, Е. Е. Жигарина)» [Подюков,

Свалова 2019: 15]. Под паремией в нашей работе понимаются пословицы и поговорки.

Нельзя утверждать, что место фитонимов в коми-пермяцких устойчивых выражениях очень велико. По данным КПФС, во фразеологических единицах гораздо больше названий животных (диких, сельскохозяйственных и домашних): *бадьӧг* «куропатка», *баля*, *ыж* «овца», *вӧв* «лошадь», *гаг* «червь», *гут* «муха», *дзель* «ягненок», *дзӧдзыв* «ящерица», *ёди* «лещ», *ёкыш* «окунь», *жерег* «жерех», *кань* «кошка», *катша* «сорока», *кӧин* «волк», *кӧк* «кукушка», *кӧр* «олень», *кӧч* «заяц», *курича*, *курӧг*, *кутю* «курица», *кыр*, *сизь* «дятел», *меж* «баран», *мӧс* «корова», *ном* «комар», *ош* «медведь», *ӧшка* «бык», *петук* «петух», *пичик* «трясогузка», *пон* «собака», *пороз*, «бык», *порсь* «свинья», *рака* «ворона», *руч* «лиса», *сьӧла* «рябчик», *сюзь*, *тупка* «сова, филин», *тар* «тетерев», *тури* «журавль», *ур* «белка», *чавкан* «галка», *юсь* «лебедь», – чем названий растений. Кроме того, одни и те же зоонимы могут использоваться в целом ряде фразеологических единиц.

Тем не менее собранный материал свидетельствует о том, что названия объектов растительного мира всё же являются довольно востребованным компонентом коми-пермяцких фразеологизмов и паремий. Правда, по сравнению с русским языком, их количество гораздо меньше. Например, по данным КПФС, это только 17 лексем: *пу* «дерево», *кӧз* «ель», *ныыв* «пихта», *пӧжум* «сосна», *верба*, *нитши* «мох», *турун* «трава», *шишыбар* «репейник», *пикан* «снуть», *чеснӧг* «чеснок», *лук*, *калиг* «брюква», *боб*, *капуста*, *кушман* «редька», *сёртни* «репа», *рудзӧг* «рожь», *пыш* «конопля».

Признаки, формирующие образ дерева в славянской и в коми-пермяцкой традиционной культуре

Еще в 1990-е гг. Т. А. Агапкина, занимающаяся изучением символики деревьев у славян, выработала схему описания и исследования дерева как концепта традиционной культуры в целом и отдельных его пород как вариантов этого концепта в частности. Такая схема описания дендросимвола состоит из ряда разделов: «Мифы и легенды о происхождении», «Языковой образ», «Общие характеристики и признаки», «Мифология мирового древа; дерево как медиатор», «Дерево как культовый объект; священные рощи», «Дерево и человек (типы взаимоотношений, категории жизнедеятельности и др.)», «Дерево в отношении к сфере народной демонологии», «Дерево и тот свет, сфера хтонического», «Дерево в обрядах и магии», «Дерево в народной медицине и ветеринарии», «Запреты, свя-

занные с деревьями», «Фольклорный образ» и нек. др. [Агапкина 2019: 17]. Эта схема была применена для описания одного из наиболее выразительных дендросимволов восточнославянской традиции – осины [Агапкина 1996]. Впоследствии на основе этой схемы были написаны статьи о деревьях и кустарниках для этнолингвистического словаря «Славянские древности» (1995–2012), а также монография «Деревья в славянской народной традиции» [Агапкина 2019].

Однако то общее, что объединяет разные породы в цельный этнокультурный образ дерева как родового понятия, по мнению автора, явно превалирует над их особенностями: любое дерево репрезентирует в верованиях, фольклоре и обрядах прежде всего родовой концепт «дерево» и лишь во вторую очередь – дерево определенной породы. В результате исследователь пришел к выводу, что этнокультурный образ каждого дерева – это всего лишь особая комбинация элементов родового концепта «дерево». Выявление особенностей их комбинаторики и составляет суть предлагаемого автором подхода к этнодендрологическому материалу [там же: 17–18].

Автор считает, что у истоков символизации лежит обращение к форме деревьев, их фактуре, цвету и другим характеристикам и свойствам, т. е. ко всему тому, что является объективным и потому воздействует на восприятие дерева человеком и его органами чувств [там же: 23]. При этом одни особенности дерева (или иного природного объекта) оказываются востребованы в ритуале, мифологии или фольклоре, а другие – нет, поскольку «далеко не все свойства и признаки в одинаковой мере становятся объектами оценки и семиотического осмысления в культурных текстах. Как и во многих других случаях, здесь проявляет себя ярко выраженная избирательность языка культуры» [Голстая 2002: 7].

Исследователь выделяет *реальные* свойства дерева, которые получают культурную интерпретацию: приносящее плоды – неплодоносящее/неплодовое; крупное (большое, высокое), листопадное/вечнозеленое; вертикальное; крепкое, твердое/мягкое; цвет дерева; свежее/сухое; аномальное дерево (имеющее ветки с густыми побегами, опускающиеся до земли, ветки, растущие строго вертикально; искривленные, неправильно растущие деревья, со стволами неправильной формы); растущее среди других деревьев / одиноко стоящее; растущее в неосвоенном пространстве / растущее вблизи жилья; культивируемое/дикорастущее/быстрорастущее; признаки, характеризующие дерево по месту, где оно растет [Агапкина 2019: 23–33].

Т. А. Агапкина обращает внимание также на «культурные» свойства деревьев, то есть те, которые, не будучи напрямую обусловлены реальными свойствами деревьев, проецируются на деревья извне: нечистое (демоническое)/чистое; благословенное/проклятое; мужское/женское; счастливое/несчастливое; народно-этимологические толкования названий деревьев [Агапкина 2019: 34–37].

На наш взгляд, при анализе коми-пермяцкого материала можно опереться на разработанную Т. А. Агапкиной методику и рассмотреть те объективные свойства деревьев, которые лежат в основе их символизации и культурной семантики.

Коми-пермяки прежде всего обращают внимание на такие внешние признаки *пу* «дерева», которые являются нетипичными, нестандартными – аномальными:

- дерево с двумя вершинами;
- дерево с отростком, идущим от корня;
- дерево необычного цвета;
- дерево, в которое ударила молния;
- дерево, склонившееся до земли.

Так, *вожа пу* «раздвоенное дерево; дерево с ответвлением» считается способным принести беду. *Вожа пуэз вот эмось. Бур, басок вьрас. Сэтиём стройной, вермас не отик кер петны. А несчастной!* «Раздвоенные деревья вот есть. Хорошее, красивое в лесу. Такое стройное, может не одно бревно получиться. А несчастное!» (Верх-Иньва Куд.) (АПМЛАС). Такие деревья нельзя брать для строительства нового дома. Их стараются обычно не распиливать даже на дрова. Считается, что раздвоенное дерево служит качелями для лешего. *Вьрсис кьзяиныс вожа пуввас дьуттясь, оз ков сэтиём пусь вьротны.* «Лесной хозяин на раздвоенном дереве качается, не надо такое дерево трогать» (Верх-Иньва Куд.) (там же).

Несчастливым считается дерево с отростком – *пияна пу* «дерево с ребенком (детенышем)». *Шуоны, пияна пуэсь оз кол керны. Бокас пиян, сийь оз кол.* «Говорят, деревья с отростками нельзя делать (в зн. «рубить»). Сбоку отросток, его не надо (рубить)» (Пуксиб Кос.) (АПМ КПО).

Добавим, что несчастливым деревом считается и так называемая ель-альбинос – *чочком кьз (пу)* «белая ель (дерево)». *Шуоны, кытиёмкь чочком пу эм, чочком кьз, сийьн пь эд кьзяиныс эз ов.* «Говорят, какое-то белое дерево есть, белая ель, от этого ведь хозяин не жил (в доме) (если такая ель попадает в сруб дома)» (Верх-Иньва Куд.) (АПМЛАС). Речь в данном случае идет о свойстве не реального, а мифического дерева: *Учотсянь кывви чочком кьз йывись. Вот Кудымкарас пондан мунны, Верх-Иньвась чуваан, Васёвчыс сайын тай кузь выын керос эм, сэтон пь чочком кьзис быдмь. Но ме мымда видзотви,*

мыйкь некытиём чочком кьз эз жь адззыв. А они туйсь мьдөрөт керись, оз тыдав ся местаыс. «С детства слышала о белой ели. Вот в Кудымкар поедешь, проедешь Верх-Иньву, так после Васёво есть пологая (долгая, длинная) высокая гора, вот там, говорят, белая ель растёт. Но сколько я ни высматривала, что-то никакой белой ели не замечала. А сейчас дорога по другому месту проложена, не видно того места» (Селево Куд.) (АПМЛАС).

В знахарстве используется *чаротём пу* «задетое молнией дерево», его еще принято называть «громовое дерево». *Чаротём пу, вот сийьн жельньогнас чертитас, лыддяс. Чистый паськом пасьталас, Ыджыт дуньн лыддяс, лыддяс или би выль, или вот кыт кол мыйьн, или турун выль. Лыддяс и вот и лечитлис сийьн.* «Задетое молнией дерево, вот этой лучиной чертит, наговорит. Чистую одежду наденет, в Большой день начитает, начитает, или на огонь, или на траву. Начитает и вот и лечил им». (Жемчужный Гайн.). Рыбаки знают еще одно предостережение: *Чаротём пулись стоит чаккыны чаг ваь, и некытиём чери оз шед.* «У задетого молнией дерева стоит бросить в воду щепку, и никакую рыбу не поймают» (Жемчужный Гайн.) (там же).

В народе живет примета: *пуэс кьр оьддьон пьльнтчьоны, сэк уна лоась покойниккез.* «Когда деревья сильно наклоняются – будет много покойников» (АПМ КПО).

Культурная семантика названий деревьев в коми-пермяцких паремиях и фразеологизмах

Общее наименование *пу* «дерево»

Остановимся на некоторых семантических аспектах наименования *пу* «дерево». Оно довольно часто употребляется в пословицах и поговорках, устойчивых сравнениях, то есть родовое слово *пу* «дерево» занимает существенное место в традиционной коми-пермяцкой фразеологии и паремиологии.

Исследователи лексики русских говоров отмечают наличие диалектных метафор, характеризующих внешность, характер, способности и поведение человека, демонстрируют наличие продуктивных метафорических моделей, которые реализуются в различных диалектах, например, метафорических переносов ‘дерево’ → ‘человек’, ‘часть дерева’ → ‘человек’, ‘растение’ → ‘человек’, ‘ягода’ → ‘человек’ [Колосько 2010: 69, 70].

Собранные материалы показывают, что главным направлением развития образной семантики дендронимов в коми-пермяцких паремиях и фразеологизмах тоже является вектор *дерево* → *человек*, то есть названия деревьев и кустарников в устойчивых выражениях обозначают человека,

имеющего различные характеристики (как социальные, так и физические).

Проанализируем коми-пермяцкие фразеологизмы с компонентом *пу* «дерево». Определения, относящиеся к этому компоненту, как правило, указывают на ту или иную характеристику человека.

Одинокого человека коми-пермяки назовут *отка пу* «одинокое дерево»: *Отка пуён и овис Бёрис Писаыс, жёник сайё эз ветвы*. «Одиноким деревом и прожила Анфиса (дочь Бориса), замуж не выходила» (Москвино Куд.) [АПМЛАС]; *Отка пу*. «Одинокое дерево» (КПФС: 143).

О долго болеющем или неизлечимо больном человеке в северных районах Коми-Пермяцкого округа скажут *сисьмём пуён дзуртё* (досл. «прогнившим деревом скрипит»): *Сийё батя нем оз босьт, дзуртё и дзуртё сисьмём пуён*. «Его ничего не берет, скрипит и скрипит прогнившим деревом» (там же: 176).

Можно привести и другие единицы, в которых обнаруживается параллель *человек ~ дерево*. Например, в сборнике фольклорных текстов В. Климова «Кытчö тийö мунатö» (1991) приведены некоторые пословицы и поговорки, содержащие дендронимы, используемые для обозначения человека. Определение, относящееся к слову *пу* «дерево», служит указанием на признак, качество, состояние человека: *Дзуртан пуыс дыржык олö*. «Скрипучее дерево дольше живет» (Климов 1991: 186); *Октём пусö он ни ловзёйт*. «Срубленное дерево уже не оживишь» (там же: 190).

А. С. Лобановой была зафиксирована поговорка *Кыдз откодъ пуэс оз быдмё, сідз откодъ челядьыс оз овлö* «Как не бывает одинаковых деревьев (досл. «как не растут одинаковые деревья»), так одинаковых детей не бывает» (АПМЛАС). Не весь *байтöны, кыдз откодъ пуэс оз оввö, сідз и откодъ челядь оз оввы* «Не зря говорят, как не бывает одинаковых деревьев, так одинаковых детей не бывает» (Селево Куд.) [АПМЛАС]. В приведенных материалах мы тоже наблюдаем изоморфизм дерева и человека. Дендроним в данном случае употреблен по множественному числу *пуэс*, что естественно для обозначения совокупностей детей в говорах. И в коми-пермяцких, и в русских диалектах часто для их номинации используются либо собирательные существительные, либо лексеммы во множественном числе: *нóмыр* «множество детей» (КПРС: 277); *гáврик* «о ребенке». *Дети они дети и есть. Вон их гáврикóв цела орда*. Кем. (СРНГ 6: 85); *гнус, кашкалда, малоросье, нóмор, óвод, нóрос, планида, рунö, челядь* [Зверева 2011: 55].

Интересный факт отмечен в нижневычегодском и присыктывкарском диалектах коми-зырянского языка, где функционирует термин

родства *гöтырпу* «невеста» (досл. «жена дерева») (КСК 2012: 362), то есть член семьи уподобляется дереву. В данном случае представления о дереве – его силе, долголетию, значимости в крестьянском хозяйстве – соотносятся с качествами будущей хозяйки дома и будущей матери.

Наименования конкретных деревьев и кустарников

Деревья и кустарники в устойчивых выражениях представлены несколькими единицами. Обычно во фразеологизмах и поговорках используются названия хвойных деревьев (чаще – ели, реже – сосны и пихты), изредка встречаются наименования лиственных деревьев и кустарников (вербы, ивы, ольхи). Так же, как и в описанном выше материале, дендронимы используются для обозначения людей, обладающих разными признаками, чаще внешними. В большинстве случаев можно обнаружить изоморфизм дерева и человека: ствол дерева обозначает тело, корпус человека, крона – его голову.

Сравнение *кöз сувда* (досл. «высотой с ель») используется для обозначения мужчины (молодого человека) высокого роста: *Зонным кöз сувда воём*. «Ваш сын стал ростом с ель» (Верх-Иньва Куд.) (АПМЛАС). *Зонканым кöз сувда* «наш мальчик ростом с ель» (в зн. «наш сын стал уже высоким») (Верх-Иньва Куд.) (АПМ КПО).

О худом человеке (обычно о мужчине) могут сказать *увтём кöз* «ель без сучьев» (КПФС: 197). Худобу обозначают и с помощью фразеологизма *косьмём бадь* «высохшая ива», который адресован женщине (АПМ КПО). В романе В. В. Климова «Гублян» зафиксировано очень близкое выражение *косьмём ньёр* «высохший прут (хлыст)»: *Ворота дорас öксёмась дасмöd морт, унажыксö инькаэз, и кывзöны винерик, дзык косьмём ньёр, нывкаёс*. «Около ворот собралось десятка два людей, больше женщин, и слушают худенькую, как высохший хлыст, девушку» (Климов 2017: 279).

Мужчину с пышными волосами могут назвать *пожум юр* «голова как сосна») (АПМ КПО). «Коми-пермяцкий фразеологический словарь» выражение *пож (пожум) юр* «голова как сито (сосна)» фиксирует в значении «о непричесанном человеке» (КПФС 2010: 153).

Сочетанием *верба бöбöтны* «вербу обмануть» шуточно называют ситуацию, когда хотят соблазнить девушку (АПМ КПО). В данном выражении дендроним *верба* является символическим заместителем молодой девушки, невесты. Считается, что верба в народной культуре, в фольклоре символизирует быстрый рост, здоровье, жизненную силу невесты (Агапкина 2014: 285).

О белых, здоровых зубах могут сказать *Пиннес сылön кыдз березник*. «Его (её) зубы словно

березняк» (АПМ КПО). *Томнам пиннезö тожо кыздз березник вöвисö, а öнi сейны немöн* («По молодости мои зубы тоже как березняк были, а сейчас есть нечем») (Юсвь.) (АПМ КПО).

Не только в коми-пермяцких фразеологизмах, но и в пословицах компоненты-дендронимы указывают на человека: *Кöр нинис кульсьö, сэк и куль* досл. «Когда ива сдирается, тогда и сдирай». *Нинпусö кыкись оз кульö* досл. «Иву дважды не сдирают» (Климов 1991: 200). *Небыт кылöн и ловпу кöстан*. «Мягким (ласковым) словом и ольху согнёшь» (там же: 189).

Реже паремии и фразеологизмы с участием дендронимов обозначают какое-либо действие человека. Например, значение ‘заниматься чьим-либо воспитанием, отругать’ могут передать с помощью выражения *увтöм кöз вылö лэбтыны* «поднять на ель без сучьев» (КПФС: 196).

Как видно из анализа, в представленном материале нашли отражение реальные, прежде всего внешние признаки конкретных деревьев: высота для ели, крона округлой формы для сосны, белая кора для березы. Кроме того, отмеченными являются и некоторые свойства деревьев, востребованные в хозяйственной деятельности человека, – способность коры отделяться от ствола и твердость древесины.

Из «культурных» свойств дерева в проанализированных единицах можно отметить признак «женское» для вербы, которая в традиционной культуре русских и коми-пермяков выступает символом девичества.

Таким образом, «совокупность деревьев и связанных с ними поверий и обрядов задает универсальный символический язык, посредством которого описываются разнообразные физические, эмоциональные, ментальные и иные состояния человека, своего рода культурный код, с помощью которого моделируется судьба человека и стадии его жизненного пути. Эта антропоориентированность, соотношенность жизненных сценариев дерева и человека составляют доминанту народной дендрологии в ее культурном измерении» [Агапкина 2019: 567]. Данные слова исследователя славянской традиционной культуры справедливы и для коми-пермяцких фольклорных текстов, устойчивых оборотов и выражений, для коми-пермяцкой традиционной культуры в целом.

Культурная семантика названий травянистых растений в коми-пермяцких паремиях и фразеологизмах

Наименования дикорастущих травянистых растений

Интересными с точки зрения семантики, на наш взгляд, являются устойчивые сочетания, вы-

ражения с компонентом *турун* «травя». Заметим, что значительная часть коми-пермяцких фитонимов содержит данное родовое слово: *сизьюртурун* «клевер» (где *сизь* «дятел», *юр* «голова», *турун* «травя»), *ситурун* «мятлик» (где *си* «волос», *турун* «травя»), *чаньподтурун* «копытень» (где *чань* «жеребенок», *под* «нижняя часть», *турун* «травя») и т. д.

Противопоставленные в формальном плане устойчивые выражения *турун эн быдмы* «травя не расти» и *турун (ёгтурун) быдмы* «травя (сорная травя) расти» в целом близки по значению. Так, довольно употребительным в речи коми-пермяков является выражение *кöть турун эн быдмы* «хоть травя не расти», когда говорится о равнодушном, безразличном отношении к кому-, чему-либо: *Петис, мунис керкуись, а челядьсьö колис, кöть турун эн быдмы* досл. «Вышла, ушла из дома, а детей оставила, хоть травя не расти» (Верх-Иньва, Куд.) (АПМЛАС). Поговорка является фразеологической калькой русского разговорного выражения *хоть травя не расти*, обозначающего полное безразличие к тому, что будет, каков будет результат (Ожегов, Шведова 2008: 806). Подобное значение реализуется и выражением *турун быдмы* «травя расти». *Сидз и овöны, кыт пöт, кыт тшыг, а керкуаныс – ёгтурун быдмы*. «Так живут, то сыты, то голодны, а в их доме – сорная травя расти» (АПМ КПО).

Близкое по составу компонентов выражение *турун эз сулав (оз сулав)* «травя не стояла (не стоит)» имеет уже иное значение. Вот как с его помощью коми-пермяцкий писатель С. Федосеев характеризует своего героя: *Зонкаыс вöли аскодяасныра, кыздз шуöны, кыт мунас, бöрсянас пугуруныс оз сулав* досл. «Молодой человек был своенравным, где пройдет (досл. “где побывает”), после него дерево-травя не стоит (в зн. “после него все уничтожено, разбито)» (Федосеев 1994: 178).

Основная мысль фразеологизма заключается в следующем: человек совершает безрассудные поступки, которые потом никак не исправить. Растительный образ, который использует автор, символизирует силу, живучесть, способность восстановиться в определенных физических пределах.

С помощью устойчивого выражения *кыздз турун быдмыны* (или грамматического синонима *турун моз быдмыны*) «как травя расти» реализуется широкое значение, связанное с отсутствием воспитания детей в семье. *Каганыс кыздз турун быдмö, некинлö дело абу*. «Ребенок как травя растет (в зн. ‘никто о нем не заботится’), никому дела нет» (Пельым Коч.) (АПМ КПО). *Быдтасойöсь челядьыс, да турун моз жö только быдмöны* «Приемные дети, да как травя же толь-

ко растут» (в зн. «без ласки, без заботы растут дети») (Верх-Иньва Куд.) (АПМЛАС). На наш взгляд, это калька русского разговорного выражения *как трава растет* ‘о ребенке: без всякого присмотра’ (Ожегов, Шведова 2008: 806).

В текстах С. Федосеева встретилось подобное выражение *быдмыны пу-турун моз* «расти как дерево-трава», но с иной семантической нагрузкой: *И пондисё быдмыны Андрейыс да Мишаыс, да эд не пу-турун моз, а морттэз моз – өддьён жагён.* «И стали расти Андрей да Миша, да ведь не как дерево-трава – очень медленно» (Федосеев 1994: 6). Писатель противопоставляет быстрому росту травы долгий путь воспитания человека. Данное выражение, возможно, является авторским, поскольку в этом значении оно нигде больше не зафиксировано, хотя контекст является понятным.

Этому же автору принадлежит следующая фраза с уже известным нам выражением: *Том инькаыс, кыдз том туруныс жё, быдмыштём, ёнмыштём, моросыс чердыштём, рожабаннэзас орсё югыт вир.* «Молодая женщина, как и молодая трава, подросла, поправилась, грудь поднялась, на щеках заиграла молодая кровь» (там же: 13). Молодая привлекательная женщина ассоциируется с молодой активно растущей травой.

А вот противоположный образ женщины реализуется уже с помощью иного выражения – *кыдз турун косьмыны* или *турун моз косьмыны* «как трава высохла»: *Инька кыдз арланьын турун за косьмыс.* «Женщина, как в осеннюю пору стебель травы, высохла» (там же: 26). Увядшая, старая женщина ассоциируются с высохшей травой.

Одиночество человека обозначается устойчивой фразой *турун тылөпөн кольчыны* «травинкой остаться»: *Мамё кольчыс гортын өт-нас, кыдз турун тывөп.* «Мама осталась дома одна, как травинка» (Селево Куд.). [АПМЛАС]. *...герьялө мамыс да война вылө кольчалө медучөт зонсө ни. Кольчалис зонсө и кольчыс гортө, кыдз ыб шөрүн турун тылөп, көдө төлыс нёкралө, морозыс кынтө...* «...причитает мать да на войну уже последнего сына провожает. Проводила сына и осталась дома, словно травинка в поле, которую ветер гнёт, мороз остужает...» (Федосеев 1994: 145).

Семантика бесполезности, ненужности травы проявляется в следующих единицах. Выражение *вурун на турун вежны* «шерсть на траву менять» (КПФС: 45) семантически идентично русскому *шило на мыло менять* ‘делать что-либо бесполезное, ненужное’. С одной стороны, появление такого фразеологизма обусловлено игрой звуков. С другой стороны, здесь можно говорить о семантической оппозиции шерсти как символа

изобилия и богатства и травы, которая не обладает такими качествами.

Довольно употребительно в коми-пермяцком языке выражение *поннэзлө турун ытшыкыны* «собакам траву косить». Так характеризуют мужчину, изменяющего своей жене: *Трөтим Санко вексё поннэзлө турун ытшыкис.* «Александр (сын Трофима) постоянно жене изменял» (Селево Куд.) (АПМЛАС). Выражение зафиксировано и в Коми-пермяцком фразеологическом словаре: *Поннэзлө турун ытшыкө* «собакам траву косить». ‘О муже, ушедшем из дому, из семьи’ (КПФС: 154). Не одобряемое социумом поведение обозначено с помощью выражения, в котором сено (трава) предназначено для собак, не будучи их кормом. Данное несоответствие образно характеризует отклоняющееся от нормы поведение мужчины.

Таким образом, реальные качества травы (сила, выносливость, «пробиваемость»), ее внешние признаки (весенняя, летняя свежесть, осенняя сухость и вялость) и необходимость в хозяйстве (в качестве сена) легли в основу устойчивых выражений с данным компонентом.

Фразеологизмов, устойчивых сравнений с наименованиями конкретных травянистых растений нами зафиксировано не так много, зато они выделяются довольно интересными смысловыми особенностями. Часть из них до сих пор не зафиксирована в письменных источниках, а некоторые функционируют пока только в коми-пермяцких художественных текстах.

Так же, как и в проанализированном выше материале, в данной группе устойчивых языковых единиц чаще всего заметна параллель *растение ~ человек*. Эпитет, относящийся к названию конкретного травянистого растения, выполняет идентифицирующую функцию, помогая обозначить то или иное качество человека.

Обратимся к следующим образным выражениям, в составе которых фигурируют наименования травянистых растений. К числу клишированных можно отнести выражение *лякасьны кыдз шышыбар* «прилипнуть как шишибар (репейник)» – ‘о надоедливом, назойливом человеке’ (АПМЛАС). *...лякасьмат пө Тасимыт бердө, кыдз шышыбар.* «...прилипла, говорят, к Тасиму, как шишибар» (Климов 2017: 302). Похожее выражение фиксирует «Коми-пермяцкий фразеологический словарь»: *шышыбарөн ляксё* «репейником прилипает» (КПФС: 63). В данном случае, полагаем, можно говорить о том, что представленная единица является калькой русского выражения *пристал как репей*, которое употребляется для обозначения человека, ведущего себя навязчиво, надоедливо (Ожегов, Шведова 2008: 676).

Крапива – растение, основной признак которого в славянских языках отразился в названиях, мотивированных значением ‘жечь’, ‘жалить’, ‘колоть’ [Колосова 1999: 643]. Это же объективное свойство – неприятные ощущения после ожогов крапивой жгучей (*лѣк петшѳр* (досл. «свирепая крапива»)) – породило семантический перенос *крапива* → *злой человек* в коми-пермяцком языке: *лѣк петшѳрыскѳт эн кутчись, сотас* «со злым человеком не связывайся, обожжѳт» (Селево Куд.) (АПМЛАС). *Моньным лѣк петшѳр кодь, зонам пова и пырны* «невестка наша как жгучая крапива, к сыну боюсь и заходить» (Селево Куд.) (там же).

Особенности роста человека реализуются с помощью устойчивых сравнений *пистик кодь морток (мужичок)* «человек (мужчина) как полевой хвощ» (АПМ КПО) и *быдмыны кыдз вольгумпикан* «вырасти как дудник» (там же). Первое выражение указывает на маленький рост, а второе, наоборот, – на высокий рост человека: *Пемытинас тыдавис пистик кодь морток*. «В темноте виднелся маленький человек» (Верх-Иньва Куд.) (там же); *Соседѳ быдмис кыдз вольгумпикан – стройной, ыджыт, бытшѳм мыѳбра*. «Сосед мой вырос как дудник – стройный, высокий, ладный» (Жемчужный Гайн.) [АПМЛАС]. Фитоним *вольгумпикан* зафиксирован в самом северном – Гайнском – районе Коми-Пермяцкого округа. Название нуждается в структурно-смысловом анализе. Коми-пермякам известны растения под названиями *вольгум* «дудник» (КПОС 1992: 248) и *пикан* «снить» (КПРС: 339), люди их различают; тем более что *пикан* «снить» является съедобным растением. Жители гайнского ареала, соединив два известных компонента, получили составной фитоним *вольгумпикан*. По словам информанта, этим словом они называют дудник. Присоединение компонента *пикан*, возможно, произошло в силу того, что взрослая снить так же, как и дудник, имеет полый стебель.

Пистик «хвощ полевой» и *пикан* «снить» – наименования, обладающие высокой этноконнотацией (см.: [Лобанова 2017]). *Пистик* «хвощ полевой» связан с маскулинностью, поэтому и выражение *пистик кодь морток* «человек как хвощ полевой» адресовано мужчинам. Молодой *пикан* «снить», реализуя мотив юности, может быть связан как с мужским, так и с женским началом.

Со словом *пикан* «снить» зафиксировано еще одно выражение *пикан гуммез чеглавны* «ломать стебли сныти». Оно употребляется в ситуации, когда человеку икается: *Пасьтѳт жѳ буржыка кагатѳ, вон кыдз пикан гуммезсѳ чеглавѳ*. «Очень же лучше ребѳнка, вон как икает» (Коч.) (АПМ

КПО). Похожая единица зафиксирована в КПФС: *Пикангуммез чеглавѳ*. «Стебли сныти ломает». «Икает (о ребенке)» (КПФС: 150). Сухие стебли переросшей сныти действительно ломаются с треском, шумом, и это объективное свойство растения нашло отражение в данном выражении.

Физиологическая особенность человека – выпускать газы из организма – характеризуется выражением *ситаныт кыдз кѳканвуж бѳрын* «твое заднее место как после чемерицы» (АПМЛАС). Основанием для возникновения такого выражения стал известный человеку острый запах растения.

Как видно из анализа, наибольшее количество единиц включает фитонимы *пикан* и *пистик*, обозначающие растения и активно представленные сегодня в коми-пермяцкой традиционной культуре и кухне.

Кроме них, во фразеологизмах и поговорках участвуют названия таких растений, которые обладают яркими объективными признаками: отмечены жгучесть крапивы, способность плодов репья прилипнуть к одежде человека и неприятный запах чемерицы.

Наименования огородных и зерновых растений

Встречаются в устойчивых выражениях и наименования огородных и зерновых культур. В данной группе единиц тоже достаточно востребованной оказалась семантическая модель *растение* → *человек, часть растения* → *часть тела человека*.

Чаще всего с помощью фитонимов маркируются отрицательные или нетипичные, отклоняющиеся от нормы физические или иные характеристики человека. Так, фразеологизмы *бѳби ыжда* «величиной с боб», *лук мешѳк* (южн. *вук мешѳк*) «мешок с луком» обозначают невысокого, маленького человека (КПФС: 29, 108); *калиг (капуста) юр* «голова калиги (капусты)», *чеснѳг кѳзича* «мешок с чесноком» – глупого человека (там же: 67–68, 200). О полном человеке могут сказать *чуж кынѳм* «живот как пророшенная рожь» (там же: 202). Сплетника называют *пыш кѳдзись* «сеющий коноплю» (там же: 157). С помощью выражения *калиг (капуста) юр* «голова калиги (капусты)» называют лысую голову (там же: 67–68).

В «Коми-пермяцком фразеологическом словаре» зафиксированы и другие единицы с участием фитонимов. Они используются уже не для передачи тех или иных признаков человека, а для обозначения действий людей. Например, фразеологизм *сѳртни лѳдавны* «репу выпускать» имеет значение ‘рассказывать сказки’ (там же: 162), выражение *кушман садитны* «редьку по-

садить» обозначает севшего мимо стула ребенка (там же: 93).

Паремии с участием фитонимов данной группы обозначают разные жизненные ситуации: *Зõрыс оз шогмы – нейджыт беда, рудзõгыс оз шогмы – кортõн мун.* «Овес не уродится – небольшая беда, рожь не уродится – попрошайничать иди» (Климов 1991: 194); *Йõз бекõрас кушманыс чõскытжжык.* «В чужой тарелке редька слаще» (там же: 186).

Как видно из примеров, внешние признаки и свойства растений (форма и размер) учитываются, пожалуй, лишь в выражении *калиг (капуста) юр* «голова калиги (капусты)» в значении «лысый» и в выражении *боби ыжда* «величиной с боб», обозначающем человека маленького роста.

В составе фразеологизмов и паремий участвуют прежде всего названия горьких культур (чеснока, лука, редьки) и растений семейства крестоцветных (брюквы, репы, капусты), зерновых и семенных культур (рожь, овес, конопля), составляющих основу традиционного постного стола коми-пермяков.

Завершая краткий обзор коми-пермяцких наименований растений, комментируя их культурную семантику и место в составе национальной паремии, можно сослаться на выводы известного специалиста по славянской этноботанике В. Б. Колосовой о том, что «роль признака в формировании как лексического фонда народной ботаники, так и символического образа растения чрезвычайно велика, хотя реальные признаки “фильтруются” и трансформируются языком и культурой» [Колосова 2003].

Выводы

Признаками, формирующими образ *пу* «дерева» в коми-пермяцкой традиционной культуре, являются те, которые обозначают различные аномалии: дерево с двумя вершинами – *вожа пу*; с отростком, идущим от корня – *пияна пу*; необычного цвета – *чочком кõз* «белая ель»; дерево, в которое ударила молния – *чарõtõм пу*.

В представленном материале нашли отражение реальные, прежде всего внешние признаки деревьев и трав: высота ели, крона округлой формы сосны, белая кора березы, упругость и свежесть молодой травы, вялость и безжизненность старой. Кроме того, отмеченными являются и некоторые свойства деревьев и трав – способность коры отделяться от ствола дерева и твердость древесины, жгучесть крапивы, способность плодов репья прилипать в одежде человека и неприятный запах чемерицы. Из «культурных» свойств растений в проанализированных единицах можно отметить признак «женское» для вер-

бы, которая в традиционной культуре русских и коми-пермяков выступает символом девичества.

Проанализированные материалы показывают, что главным направлением развития образной семантики дендронимов и фитонимов в коми-пермяцких паремиях и фразеологизмах является вектор *дерево* → *человек*, *растение* → *человек*, то есть названия деревьев, кустарников, дикорастущих и культурных травянистых растений обозначают человека, имеющего различные характеристики (как социальные, так и физические). Реже фитонимы в составе фразеологизмов и паремий обозначают различные действия и состояния человека.

Список источников с сокращениями

АПМ КПО – Архив полевых материалов Коми-пермяцкого отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

АПМЛАС – Архив полевых материалов Лобановой Алевтины Степановны.

Климов В. В. Кытчõ тийõ мунатõ? Коми-пермяцкõй сказкаез, сьланкыввез, частушкаез, челядь понда фольклор, кõрткыввез, фольклорлõн учõt жанррез. Т. II. (Куда же вы уходите? Коми-пермяцкий фольклор на коми-пермяцком языке. Т. II). Кудымкар: Пермскõй книжнõй издательство, Коми-Пермяцкõй отделеннõ, 1991. 288 с.

Климов В. В. Бõрйõм / Избранное. Кудымкар, 2017. 408 с.

КСК – Коми сёрнисикас кывчукõр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2012. Т. I: А–О. 1096 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.

КПОС – Коми-пермяцкõй орфографическõй словарь / авт.-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.

КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / авт.-сост. О. А. Попова. Пермь, 2010. 344 с.

Материалы для словаря 2012 – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений: монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2021. 1 Мб; 116 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovaryakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус.

языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.: Л., 1965–. Т. 1–.

Федосеев С. А. Съюд цветтэз. Роман. Кудымкар, 1994. 326 с.

Сокращения названий районов Коми-Пермяцкого округа

Гайн. – Гайнский

Кос. – Косинский

Коч. – Кочевский

Куд. – Кудымкарский

Юсьв. – Юсьвинский

Список литературы

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного анализа) // КСК. 1996. Бр. 1. Бильке. С. 7–22.

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) // Славянский альманах. М., 2014. Вып. 1–2. С. 283–302.

Бродский И. В. Финно-пермские фитонимические портреты. 1. Зверобой (*Hypericum*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования); Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 73–92.

Бродский И. В. Финно-пермские фитонимические портреты. Василек // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 28(6). С. 48–59.

Бродский И. В. Названия боярышника и крушины в финно-пермских языках // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 224–232.

Бродский И. В. Названия ромашки в финно-пермских языках // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 407–417.

Гайдамашко Р. В. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: пучка, умра // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / сост. В. Б. Колосова. СПб.: Наука, 2017. С. 298–331.

Гайдамашко Р. В. Материалы к этимологии коми-пермяцкого слова «бичуль» ‘клубника’ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 19–26. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-19-26

Зверева Ю. В. Наименования детей в русских говорах (на материале пермских говоров) // «Slo-wa, slowa, slowa» ... w komunikacji jezykowej.

Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdanskiego. Gdansk, 2011. С. 55–62. URL: <http://lingvofolkperm.ru/wp-content/uploads/2017/01/Наименования-детей-в-русских-говорах.pdf> (дата обращения: 06.08.2022).

Колосова В. Б. Крапива // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 643–647.

Колосова В. Б. Лексика и символика народной ботаники восточных славян: На общеславянском фоне: Этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 181 с.

Колосько Е. В. Метафорический перенос «Растение – человек» в русских народных говорах // Труды Института лингвистических исследований. Т. 6, № 1. СПб., 2010. С. 69–77.

Лобанова А. С. О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 85–91.

Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.) / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 218–223.

Лобанова А. С. Орнитоним РАКА «ВОРОНА (ВОРОН)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4(36). С. 22–30. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-22-30

Лобанова А. С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов *тикан*, *пистик*, *горадзуль* // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–248.

Лобанова А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 124–127.

Подюков И. А., Свалова Е. Н. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.

Русинова И. И., Лобанова А. С., Федосеева Е. Л. Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 578–591.

Русинова И. И., Федосеева Е. Л. Коми-пермяцко-русский словарь названий растений // Филология в XXI веке. 2019. Вып. 1(3). С. 134–142.

Толстая С. М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. С. 7–20.

Федосеева Е. Л., Русина И. И. Синонимия и многозначность коми-пермяцких фитонимов // LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии // Проблемы лингвистической типологии и культурологии»: материалы II Междунар. симп., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та и удмуртского филологического образования в вузе (Ижевск, 28 мая 2021 г.): Ижевск: Удмурт. ун-т, 2021. С. 226–232.

References

Agapkina T. A. Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: osina (opyt sistemnogo analiza) [Symbolism of trees in the traditional culture of the Slavs: Aspen (experience of system analysis)]. *Kodovi slovenskikh kultura* [Codes of Slavic Cultures], 1996, vol. 1 Vil'ke [Plants], pp. 7–22. (In Russ.)

Agapkina T. A. *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (In Russ.)

Agapkina T. A. Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: iva, verba, rakita (rod Salix) [Symbolism of trees in the traditional culture of the Slavs: willow, pussy-willow, and brittle-broom (the Salix genus)]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac]. Moscow, 2014, issue 1–2, pp. 283–302. (In Russ.)

Brodsky I. V. Finno-permskie fitonimicheskie portrety. 1. Zveroboy (Hypericum) [Finno-Permic phytonymic portraits. 1. Hypericum]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 73–92. (In Russ.)

Brodsky I. V. Finno-permskie fitonimicheskiye portrety. Vasilek [Finno-Permic phytonymic portraits: Centaurea]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2016, vol. 28, issue 6, pp. 48–59. (In Russ.)

Brodsky I. V. Nazvaniya boyaryshnika i krushiny v finno-permskikh yazykakh [Names of hawthorn and buckthorn in the Finno-Permian languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, vol. 11, issue 2, pp. 224–232. (In Russ.)

Brodsky I. V. Nazvaniya romashki v finno-permskikh yazykakh [Names of chamomile in the Finno-Permian languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, vol. 12, issue 3, pp. 407–417. (In Russ.)

Gaidamashko R. V. K etimologii i lingvogeografii nazvaniy zontichnykh rasteniy v russkikh govorakh Prikam'ya: puchka, umra [On the etymology and linguo-geography of the names of umbrella plants in the Russian dialects of the Kama region: puchka, umra]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13. Pt. 2. *Etnobotanika 2: Rasteniya v yazyke i kul'ture* [Ethnobotany 2: Plants in Language and Culture]. Comp. by V. B. Kolosova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 298–331. (In Russ.)

Gaidamashko R. V. Materialy k etimologii komi-permyatskogo slova 'bichul'' ('klubnika') [Materials to etymology of the Komi-Permyak word 'bichul'' ('strawberry')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 3, pp. 19–26. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-19-26. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Naimenovaniya detey v russkikh govorakh (na materiale permskikh govorov) [Designation of children in Russian dialects (based on the material of Perm dialects)]. *'Slova, slova, slova' ... w komunikacji jezykowej* ['Words, Words, Words' ... in Language Communication]. Foundation for the Development of Gdansk University. Gdansk, 2011, pp. 55–62. Available at: <http://www.> (accessed 06 Aug 2022). (In Russ.)

Kolosova V. B. Krapiva [Nettle]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 643–647. (In Russ.)

Kolosova V. B. *Leksika i simbolika narodnoy botaniki vostochnykh slavyan: Na obshcheslavyanskom fone: Etnolingvisticheskiy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk. [Vocabulary and symbolism of folk botany of the Eastern Slavs: Against a common Slavic background: Ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 181 p. (In Russ.)

Kolos'ko E. V. Metaforicheskiy perenos 'Rastenie – chelovek' v russkikh narodnykh govorakh [The metaphorical transfer 'Plant – man' in Russian folk dialects]. *Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Linguistics]. St. Petersburg, 2010, vol. 6, issue 1, pp. 69–77. (In Russ.)

Lobanova A. S. O kul'turnykh konnotatsiyakh otdel'nykh etnonimov v yazyke komi-permyakov [On cultural connotations of some ethnonyms in the language of Komi-Permyaks]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2014, issue 3, pp. 85–91. (In Russ.)

Lobanova A. S. 'Odezhnyy' kod v komi-permyatskikh frazeologizmakh ['Clothing' code in Komi-Permian phraseological units]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: Materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (g. Perm' 21 aprelya 2015)* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas: Proceedings of III All-Russian (with International Participation) Scientific Conference (Perm, April 21, 2015)]. Ed. by N. V. Solov'eva, I. I. Rusinova. Perm, 2015, pp. 218–223. (In Russ.)

Lobanova A. S. Ornitonim RAKA 'VORONA (VORON)' v komi-permyatskom yazyke. Lingvokul'turologicheskiy aspekt [The ornithonym RAKA 'CROW' in the Komi-Permian language: Linguocultural aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 4(36), pp. 22–30. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-22-30. (In Russ.)

Lobanova A. S. O kul'turnoy konnotatsii komi-permyatskikh fitonimov pikan 'snyt'', pistik 'khvoshch polevoy', goradzul' 'kupal'nitsa' [On the cultural connotation of the Komi-Perm phytonyms pikan, pistik, goradzul]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy V Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (g. Perm, 10 aprelya 2017 g.)* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas: Proceedings of V All-Russian (with International Participation) Scientific Conference (Perm, April 10, 2017)]. Perm, 2017, pp. 240–248. (In Russ.)

Lobanova A. S. Etnokonnotirovannaya leksika komi-permyatskogo yazyka (na materiale naimenovaniy flory) [Ethno-connoted vocabulary of the Komi-Permian language (based on the names of flora)]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. Sbornik statey XI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya, 2018)* [Language Contacts of the Peoples of the Volga region and the Urals. Collection of Articles of the 11th International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)].

Comp. and ed. by A. M. Ivanova, E. V. Fomin. Cheboksary, Chuvash State University Press, 2018, pp. 124–127. (In Russ.)

Podyukov I. A., Svalova E. N. *Paremiya v russkikh narodnykh govorakh Prikam'ya: semantika i pragmatika* [Paremia in Russian Folk Dialects of the Kama Region: Semantics and Pragmatics]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2019. 224 p. (In Russ.)

Rusinova I. I., Lobanova A. S., Fedoseeva E. L. Komi-permyatskie fitonimy, sodержashchie nazvaniya zhivotnykh [Komi-Perm phytonyms containing animal names]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, vol. 16, issue 4, pp. 578–591. (In Russ.)

Rusinova I. I., Fedoseeva E. L. Komi-permyatsko-russkiy slovar' nazvaniy rasteniy [Komi-Perm-Russian dictionary of plant names]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century], 2019, issue 1(3), pp. 134–142. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Kategoriya priznaka v simbolicheskoy yazyke kul'tury [The category of a feature in the symbolic language of culture]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [The Feature-Related Space of Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 7–20. (In Russ.)

Fedoseeva E. L., Rusinova I. I. Sinonimiya i mnogoznachnost' komi-permyatskikh fitonimov [Synonymy and polysemy of Komi-Permian phytonyms]. *LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problemy lingvisticheskoy tipologii i kul'turologii: Materialy II mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 90-letiyu Udmurdskogo gosudarstvennogo universiteta i udmurdskogo filologicheskogo obrazovaniya v vuze (Izhevsk, 28 maya 2021 g.)* [LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problems of Linguistic Typology and Cultural Studies: Proceedings of II International Symposium Dedicated to the 90th Anniversary of Udmurt State University and Udmurt Philological Education in Higher Educational Institutions (Izhevsk, May 28, 2021)]. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2021, pp. 226–232. (In Russ.)

Cultural Semantics of Phytonyms in Komi-Permyak Phraseological Units and Paroemias

*This research was supported by a grant, project 20-412-590005 R_a_Perem Krai
'Vocabulary of the Komi-Permyak language'*

Alevtina S. Lobanova

**Associate Professor in the Department of General Linguistics, Russian
and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages**

Perm State Humanitarian Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. lobanova@pspu.ru

SPIN-code: 9164-8696

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1488-4727>

Irina I. Rusinova

Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. irusinova@mail.ru

SPIN-code: 1107-4967

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

Submitted 11 Apr 2023

Revised 09 Aug 2023

Accepted 10 Aug 2023

For citation

Lobanova A. S., Rusinova I. I. Kul'turnaya semantika fitonimov v komi-permyatskikh frazeologizmakh i paremiyakh [Cultural Semantics of Phytonyms in Komi-Permyak Phraseological Units and Paroemias]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp. 54–66. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-54-66 (In Russ.)

Abstract. This article attempts to determine the cultural semantics of the names of plants being part of phraseological units and paroemias in the Komi-Permyak language. The sources of the research comprise field materials from the archive of dialectological expeditions and educational practices of students of the Komi-Permyak Department of the Philology Faculty at Perm State Humanitarian Pedagogical University, information from the field archive of A. S. Lobanova, Komi-Permyak literary texts, and data from the *Komi-Permyak Phraseological Dictionary*.

The signs that form the image of *pu* 'tree' in the Komi-Permyak traditional culture are those denoting various anomalies: a tree with two tops – *vozha pu*; with a shoot coming from the root – *piyana pu*; an unusual color – *chochkom köz* 'white spruce'; a tree that was struck by lightning – *charötöm pu*.

The presented material reflects the real, primarily external signs of trees and grasses: the height of the spruce, the round-shaped crown of the pine, the white bark of the birch, the elasticity and freshness of the young grass, the limpness and lifelessness of the old grass. In addition, some properties of trees and grasses are noted – the ability of the bark to separate from the trunk of the tree and the hardness of the wood, the stingingness of nettles, the ability of burr fruits to stick to human clothing, and the unpleasant smell of hellebore. Among the 'cultural' properties of plants, there can be noted the sign 'feminine' for willow, which acts as a symbol of girlhood in the traditional culture of the Russians and Komi-Permyaks.

The analyzed materials show the main development vector of figurative semantics of dendronyms and phytonyms in Komi-Permyak paroemias and phraseological units: *tree* → *person*, *plant* → *person*, that is, the names of trees, shrubs, wild and cultivated herbaceous plants denote persons with various characteristics (both social and physical). Less often, phytonyms included in phraseological units and paroemias denote various actions and states of a person.

Key words: Komi-Permyak language; phraseology; paroemia; phytonym; dendronym; metaphorical transfer; cultural semantics.